

Людмила Корнеева

О неких букетообразующих привкусах виноградно-винного венка сонетов Василия Рыкова

Редко встретишь человека со столь ясным и жизнелюбивым мировидением, как у Василия Рыкова (1932-1993). Оно-то, думается и составляет невидимую стойкую основу той обаятельной простоты, которой дышит его поэзия. Читатель, познакомившийся с биографией этого широко известного крымского поэта (члена Союза писателей СССР), полную испытаний (сиротство и голодное военное детство, предельное напряжение сил и воли в стремлении получить специальное и высшее образование, долгие годы трудной службы в сельском хозяйстве), получает основание воспринимать его мировоззренческую лучезарность как результат испытаний и многолетнего труда на земле, жизни в атмосфере нелёгкого, но радостного созидания, в которой лучше чем где бы то ни было можно научиться воспринимать трудности и неурюстройства, как проявления многоликости бытия и отзываться на всё без надрыва и отчаяния, а то и с благодарностью. Большая часть жизни Василия Павловича была связана с крымским виноградарством и виноделием: долгое время, в разных должностях, он возглавлял технические службы судакского виносхоза. Здесь, в Судакe, он и сложился как поэт крымских смыслов – в узнаваемой, рыковской, оправе. Немалые тиражи изданий его книг (сборники «Тепло земли», 1974; «Поющая лоза», 1983; «Созвездие “Массандра”», 1993; «В гостях у Диониса», 1993) открыли самобытного поэта широкому кругу читателей.

Поэтическая мысль Василия Павловича постоянно пребывала в поиске связи времён, и потому доминирующим в его поэзии является исторический мотив, который в русле народной мудрости часто возвышался до историософского. Обладая незаурядным талантом повествователя и чутьём к поэтической форме, для своих крымских стихотворений, всегда в какой-то степени исторических, он нашёл органичную поэтическую стилистику – народного сказа, выразительного и живописного в своей простоте. Так, читателю, окунувшись в ритмические волны поэмы В.Рыкова «Великий шёлковый путь», средневековое прошлое Судака откроется не в умозрительных рассуждениях, а в фейерверке событий и образов венецианского периода судакской истории, собранных воедино на основе незамысловатой философии связи и цикличности исторических эпох:

ВЕЛИКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ

*Годы шуришат, пролетая,
Люди опять помянули,
Как храбрецы из Китая
К Сурожу тропку тянули.*

*Долго торговля не молкла.
Много воды убежало.
Тонкая ниточка шёлка
Прочным полотнищем стала.*

*Помнят суровые камни,
Помнят бойницы былые:
Здесь собирались веками
Вместе купцы удалые.*

*Слышался говор гортанный
Разноплеменного люда,
Скрип каравелл долгожданный,
Тяжкие вздохи верблюда.*

*Без плутовства и без злости,
Да и без лишнего риска
Дошлые фряжские гости
С гостем встречались индийским.*

*От благовонья корицы
Бороды русских качались,
А соболя и куницы
С жемчугом скатным встречались.*

*Жалко, что узел шелковый
Время давно развязало.
Будем надеяться снова, –
Всё повторится сначала.*

Как видим, поэт радуется и гордится своим городом, когда он был одним из крупнейших центров торгово-экономического общения народов всего мира, и надеется, что «всё повторится сначала».

Приведённое стихотворение показывает, как, опираясь на острое словцо, ироничное замечание, фольклорную лексику, простой ритм стиха, поэт создаёт стилизованную картину народного восприятия истории. Не прибегая к величавым обобщениям и декларациям, скромной скороговоркой не избалованного историей народа поэт сумел выразить свою скрытую ностальгию по когда-то явленному в Крыму процветанию:

*Жалко, что узел шелковый
Время давно развязало.
Будем надеяться снова, –
Всё повторится сначала.*

Что ж, поэты нередко оказываются провидцами...

Нельзя не отметить, что Василий Рыков до конца жизни остался верен традиции большой русской литературы – не уходит в частные углы из эмоционального поля страданий, радостей и надежд своего народа, продемонстрировал способность и современные ему явления осознать как историю. Столь развитое восприятие времени, связи эпох, их преходящего характера и цикличности позволяло поэту понимать существо и направленность их движения. Так, переживая как личное горе бедственные события развала своей большой страны, поэт оценил их как обманный порыв к мифическому благополучию и предсказал их плачевный итог:

*Рванулись миллионы за журавлём опять,
Да только бы вороны случайно не поймать.
«Нам выпал трудный жребий...»*

*Как приятно крушить и громить,
Как постыдно потом протрезвление.
«Вроде новое время пришло...»*

На все неустройства мира Василий Рыков отзывается острым чувством ответственности поэта перед бытием:

*И небосвод, что с детства мне знаком,
Наивно тру алмазным порошком:
Пусть звёзды вновь засветятся родные.
«Как часто не хватает высоты...»*

Подчеркнём, историзм был настолько органичен поэзии Рыкова, что и его ключевая тема – виноградно-винная – раскрывалась, как правило, ретроспективно. В своих стихах он напоминает, что «вино в Тавриду пришло с Эгейских берегов», что в бедах грозных нашествий не однажды «мельчали гроздь на забытых лозах», что были времена – «под стрелами минаретов», – когда и вина и чувства пребывали «под запретом», но наступили и времена, ознаменовавшиеся признанием русских вин на самом высоком европейском уровне. Кто знает вкус крымских вин, порадуетя пронциательности виноградно-винных эклог Василия Рыкова. Диалог между виноградом и вином – смысловая рифма большинства его произведений этой тематики, и в основе её – тоже исторический подход. Иначе говоря, вкусовой букет крымских вин, в осмыслении поэта-виноградара Василия Рыкова, в значительной степени обусловлен судьбинными перипетиями лозы: когда, из каких мест и какими путями пришла она в Крым и в каком его уголке нашла своё место:

*Я в напитках земных не встречал
Столько мягкого доброго света.
В нём горит, не сгорая, рубин.
В нём пленяют тона шоколада.
В нём жара пиренейских долин
И кавказских ущелий прохлада.
«Бастардо»*

*При встрече с ним поймёте сами,
Что сохранились до сих пор
Крутой венгерский темперамент
И незлобливость Крымских гор.
«Токай»*

*И расскажет дальше о судьбе долины
Налитый в бокалы солнечный кокур.
«Судацкая долина»*

Стихи Василия Рыкова о крымских винах («Мускат», «Мадера», «Алеатико», «Пино-Гри», «Кагор», «Мускат розовый», «Портвейн “Сурож”», «Кокур», «Талисман», «Каберне», «Изабелла», «Херес», «Чёрный доктор», «Бастардо», «Асма» и др.), по существу представляющие собой раскладывание на составляющие их вкусовых букетов, не могли быть написаны без знаний об истории виноградарства и виноделия, о виноградных регионах, о технологии производства, о сортах и купажах вин. Как известно, такие познания являются основой профессии сомелье, призванной повышать культуру потребления вин. Основной задачей сомелье является составление винной карты различных заведений, в значительной степени определяющей их статус. В свете этой информации Василий Рыков, автор описаний вин Крыма, так сказать, создатель его винной карты, да ещё и поэтическим языком, с полным основанием может быть назван первым и главным крымским сомелье. Думается, с поэтических представлений,

заданных его эксклюзивной винной картой, и нужно начинать знакомство с крымским виноградарством и виноделием.

Погружаясь в поэтическое творчество Василия Рыкова, не можем не вспомнить Семёна Боброва, задекларировавшего в своей матрице крымскости – поэме «Таврида» (1798) природную заданность Крыма, в особенности его судакского локуса, к виноградарству и виноделию¹:

Я зрел, так, – я повсюду зрел
Роскошны жертвенники Вакха...

<...>

Но здесь, в долине Афине́йской²
Они всегда под светлым кровом
Лучей отвесных пред полуднем,
Из недр песчаных выходя,
Между широкими листьями
Лелеясь, не боясь полнощи,
Качают полносочны грозды. –
Прохлады, животворны росы
Воспитывают, совершают,
А солнца смешенны лучи
Благим наитием своим
Багрец готовят в соках
И кравчому в разборе вкус.

Василий Рыков, не имевший в своё время возможности знать бобровский зачин Крымского текста, всем своим виноградно-винным эпосом как будто пространно иллюстрирует приведённую здесь декларацию из далёкой поэмы Семёна Боброва. И это ещё раз доказывает объективность пространственных излучений, воспринимаемых поэтами.

4

В рыковском лиро-эпическом фейерверке данной тематики выделяется своей единственностью веночек сонетов ««Вкус винограда»³. Читателю, в момент первого знакомства воспринявшему его нескрываемую одическую тональность, может показаться, что этот веночек сонетов – всего лишь очередное восславление винограда и вина, скорее ода, нежели веночек (хоть и исполненный с должным почтением к каноническим правилам). А что нового можно добавить к хору восторженных песнопений в этот адрес? Но не будем торопиться с выводами, будем помнить, что этим веночком сонетов высказывается не рядовой ценитель виноградно-винного дара человеческой жизни, а наделённый поэтическим талантом виноградарь – непосредственный участник многовекового плодотворного союза винограда и крымской земли. Погружение в неявные смыслы произведения (зная главную хитрость сонетистов в процессе создания веночков), как и положено, начнём с чтения последней строфы:

Рождённый солнечным теплом,
Пронзённый чистыми лучами,
Своими сильными плечами

¹ Во втором издании: *Бобров Семён*. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом». О Судакской долине можно узнать по третьему изданию: *Бобров Семён*. Рассвет полночи. Херсонида. – М., 2008. С.71-99.

² По примечанию Семёна Боброва, «Афине́й, так названный в нынешнее время город Судак, где лучшие сады в целой Таврии находятся».

³ См.далее: Книга в книге «Одарен Крым венками». С...

Ты и в грядущем и в былом.

И быстротечной жизни гром,
И засухи нещадный пламень
Ты свяжешь мощными узлами
И терпким сделаешь вином.

Ты солнца яростного витязь,
Не зря тебя назвали «витис»,
Несокрушимый виноград!

Моя судьба с твоей лозою
Сплелись под вешнюю грозю –
Других не надо мне наград.

Что же сообщает нам магистрал, который, как известно, должен нести в себе квинтэссенцию смыслов всей венковой поэмы? Без всякого напряжения узнаём в нём уже выявленную ранее характерную черту поэтического мышления Василия Рыкова – его историческую направленность: «Ты и в грядущем и в былом», – говорит он, обращаясь к винограду. Далее, пристально вчитываясь, сквозь одическую тональность начинаем видеть, как проступают иные, глубинные ценностные знаки... Так, совершенно очевидно, что разговор по существу затеян Василием Рыковым не ради вина (как обычно бывает у поэтов), оно упоминается лишь как ипостась винограда. Виноград же мы и воспринимаем главным героем сонетной поэмы, где поэт убеждает, что вино, как неповторимая сущность, как раз и зарождается уникальной способностью винограда связывать «мощными узлами» противоречивые начала мироздания («и быстротечной жизни гром, и засухи нещадный пламень») и собирать в себе жизненную силу («Не зря тебя назвали «витис», / Несокрушимый виноград!»).

И ещё. При внимательном чтении одическая высота высказывания не заслоняет его диалогический строй: ода поётся отнюдь не объекту производственной деятельности виноградаря Василия Рыкова, а субъекту бытия, живому равноправному участнику содружества в жизнестоянии: «Моя судьба с твоей лозою / Сплелись под вешнюю грозю»). Эту особенность мироотношения Василия Рыкова отмечают все приобщённые к его творчеству, а крымский поэт А.Лесин оставил нам проникновенное высказывание о своём понимании этой глубинной черты поэтики В.Рыкова: «Он слышит тот голос, что идёт из глубины веков, с первых виноградных плантаций, возделанных человеком – голос нескончаемой жизни... <...> он очеловечил вино, превратил его в нечто живое – говорящее и мыслящее»⁴. Познакомившись с поэзией Василия Рыкова, убеждаемся, что венок сонетов «Вкус винограда» – едва ли не самый яркий пример одухотворения винограда и его сакрализованной винной ипостаси в творчестве этого поэта.

Перечитывая венок снова, понимаем, почему поэт, как правило, предпочитающий композиционную простоту своих поэтических высказываний, единственный раз на своём творческом пути обратился к замысловатому жанру венка сонетов. Учитывая огромный опыт Василия Павловича в поэтическом постижении виноградно-винного мира Крыма, можно предположить, что его идейно-эмоциональные обретения в этом смысловом поле созрели в некую метафизическую концепцию, требующую целостного стереофонического представления. И стихотворческая квалификация поэта оказалась столь высокой, что вывела его к философскому потенциалу венка, который и позволил понять и цельно выразить то, благодаря чему его судьба состоялась, что и выражено смысловым замком магистраля:

⁴ Цит. по изд.: *Рыков Василий*. Судакская долина. – Судак, 2005. С.4.

Моя судьба с твоей лозою
Сплелись под вешнею грозой –
Других не надо мне наград.

В этом сонетном резюме, как и подобает сонету, объявлено нечто парадоксальное: сплетённость судьбы поэта с лозою, проявившаяся в реальности тяжёлым трудом виноградаря, названа здесь не долгом, не бременем, и даже не верным служением винограду, а единственной желанной наградой жизни. Попробуем вникнуть в доказательную базу столь интересной концепции, развёрнутую в сонетном кольце.

В первой же строфе, как бы невзначай, с помощью сниженной мифологической аллюзии, поэт напоминает, что в европейской культуре «ясноликий виноград» имеет божественный статус: он хоть и «не стремился на Олимп, туда втащили боги сами». Объяснение этого поворота судьбы винограда дано автором на уровне высокой поэзии: виноград божествен, поскольку дивно сочетает в себе свойства быть «хлебом насущным и утехой». В поисках экзистенциальных корней проявившегося пафоса попробуем прочесть произведение в его связи с местом и временем создания. Знание биографии поэта не оставляет сомнений в крымско-судакском происхождении венка сонетов. О времени создания недатированного произведения можно судить по множественным упоминаниям в нём о событиях, которые для винограда стали подобны «полону орды» и «нешадному пламени засухи», покрывшими «его владенья пнями». И отсюда понимаем, что оно было написано в те бесславные времена, когда виноградники страны вырубались, якобы во имя утверждения трезвого образа жизни советских людей⁵. И вот теперь венок сонетов начинает говорить с нами его неожиданным, но важнейшим смыслом: в пору гонения виноделия и виноградарства на государственном уровне, ода винограду воспринимается как наиболее выразительная форма протеста поэта-виноградаря бездумному чиновничьему проекту. Текст венка пронизан возмущёнными риторическими вопросами: «Но вот тебя рубить за что же под корень бойким топором?»; «Скажите, чем же виноват благословенный виноград?».

Что же противопоставляет Василий Рыков государственной опале винограда?

Во-первых, поэт, мыслящий в масштабе Большого Времени, вводит современный момент наблюдаемой им жизни винограда в общеисторический контекст, и в пространстве венка путеводно проступает мотив воспевания винограда как извечной сущности («Рождённый солнечным теплом / Гораздо раньше человека...»), неподвластной разрушительным силам времени, и более того – как символического образа «нити», связующей века:

Своими сильными плечами
Раздвинув древние века,
Пришёл ты к нам издалека
И радость жизни делишь с нами.

Поэт настойчиво напоминает о винограде как символе созидательного труда и неизменной опоре труженика в противостоянии жизненным испытаниям:

Пронзённый чистыми лучами,
Ты, одаря всех вокруг,

⁵ Постановлениями ЦК КПСС и Совмина СССР 1985 года о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма началась бесславная «горбачёвская» антиалкогольная кампания, которая чрезвычайно негативно отразилась на винодельческой отрасли и на её сырьевой базе – виноградарстве. Вследствие чрезмерного усердия некоторых чиновников на местах, было уничтожено множество виноградников, в том числе и коллекционных сортов.

Упорно верил в силу рук
С мотыгами, а не с мечами.
<...>

Не ты ль лачуги подпирал
Своими сильными плечами?
<...>

Ты и в грядущем и в былом
Всегда надёжная опора
Для виноградаря, который
Тебя возвысил ремеслом.

И далее – о какой бы грани жизни винограда не говорил поэт, его рассуждения приводят к констатации всё новых ценностей в отношениях винограда с человеком. К примеру, зачем, вы думаете, такими трогательными красками описан годичный цикл жизни винограда?

Ты грезишь розовыми снами.
Ты нерешителен, пока
Не дрогнешь чуткими листьями
От дуновенья ветерка.

И неприметные соцветья,
Бесцеремонные, как дети,
Твой аромат прольют кругом.

Тогда, всё лишнее отбросив,
Торопишь сладостную осень.
<...>

Ты возмужал легко и споро
У человека под крылом.
<...>

Дождёшься радостного часа,
Наполнишь пенистую чашу
И заискришься янтарём.

Попробуем понять... Зимой виноград «грезит розовыми снами», но вот весеннее «дуновенье ветерка» пробуждает «неприметные соцветья», предвещающие «сладостную осень» плодоношения. Но ведь грёзы винограда сбываются только благодаря виноградарю, труд которого поэт называет ремеслом, возвышающим виноград, за что он и дарит человека «пенистой чашей». Итогом подробного и живописного развития этой мысли поэта понимается провозглашение единства человека и винограда в противостоянии испытаниям бытия:

Когда мы вместе, нам не страшен
И горький сок судьбины нашей,
И быстротечной жизни гром.

Восьмой сонет, завершающий восходящую часть венка, – апофеоз бытия винограда, собравшего воедино историческое искрение веков и «заветные рассветы» годового цикла, ибо здесь поэт провозглашает главный смысл бытия винограда: от него рождается вино с его волшебными свойствами:

И терпким сделаешь вином

Свои заветные рассветы,
И будет радостное лето
В любой мороз лучиться в нём...

Здесь выразительнее всего звучит мысль поэта об особом месте винограда в ряду садовых культур: виноград упорнее других концентрирует в себе «солнечный огонь» и способен, перевоплотившись в вино, отдавать этот «огонь» людям, пробуждая в них жизненные и творческие силы:

И будет солнечным огнём
Душа заблудшая согрета,
И у безвестного поэта
Сверкнут алмазы под пером.

Называя виноград «солнца яростным витязем», поэт заклинает его житнетворящие силы:

Ты в помыслах правдив и чист.
Мужайте, корни, крепни, лист,
Тугие ягоды, искритесь.

Свети, чтоб липкий мрак исчез,
Лети с лозой наперевес,
Ты – солнца яростного витязь!

Итог рассуждений – «Не зря тебя назвали «витис» – продолжен красноречивым живописанием «несокрушимости» винограда:

8

Ведь «вита» – это значит «жизнь».
Твой мудрый сок не терпит лжи...
<...>
Не осквернишь неправдой землю,
И кто не глуп – тебя приемлет,
Несокрушимый виноград...

Некоторые строки, обращённые к «несокрушимости» винограда, звучат ещё и как заклятие против глупости и ханжества. Поэт не только отстаивает благородный статус винограда, но и просит у него прощения за то унижение, которому он подвергся от ретивых исполнителей безответственной воли недалёковидных правителей:

Несокрушимый виноград!
Прости ретивость в бренном теле:
Мы и тебя изъять хотели,
Как самогонный аппарат.

Прости, что в каждом – бюрократ,
Что три решенья на неделе,
Забудь об этом в самом деле...

Заключительные строфы венка – это радостное откровение поэта, что его судьба неотделима от служения такой пленительной и несокрушимой земной сущности, которая символизирует саму жизнь, её сладость и горечь, рождение света из труда и страданий. И это истинная награда:

Других не надо мне наград,
Мне б только до зари проснуться,
К лозе шершавой прикоснуться,
В которой силы жизни спят.

Они со мной заговорят,
Они в ладонях встрепенутся,
И ляжет осенью на блюдце,
Мечта, что руки сотворят.

Итак, венок сонетов «Вкус винограда» – это не банальный поэтизм винограду и вину... Но это и не только страстный протест исторически мыслящего человека осквернению предзаданности крымской земли к виноградарству и виноделию, низведению винограда и вина до уровня низкопробного средства массового питания. В своём итоговом смысле это – выразительный поэтический жест в защиту одного из обязательных привкусов жизни человека:

Считает время годы строго.
Не в этом главная тревога.
Ещё не срок снимать шелом.

С годами удержать мне надо
Вкус бытия, вкус винограда,
Рождённый солнечным теплом.

9

Трудно не понять, что поэт провозглашает символическую идентичность вкуса винограда высоким смыслом жизни. И мы в этом утверждении приверженности человека бытийным вкусам чувствуем некий воистину букетообразующий привкус винограда и вина. А прекраснейшим из мест острого поэтического осознания этой истины является благословенный Крым, в чём тоже не даёт усомниться венок сонетов Василия Рыкова «Вкус винограда», созданный в его благодатных излучениях.

Василий Рыков

Вкус винограда

1.
Рождённый солнечным теплом
Гораздо раньше человека,
Ты испокон людского века
Был почитаем за столом.

Тебе сегодня бью челом.
Ты – хлеб насущный и утеха.
Ты в добром деле не помеха
И не сообщник в деле злом.

Ты от рожденья яснолик,
Но не стремился на Олимп,

Туда втащили боги сами.

Ты Афродиту опьянял
И Гере кубок наполнял,
Пронзённый чистыми лучами.

2.

Пронзённый чистыми лучами,
Ты, одаряя всех вокруг,
Упорно верил в силу рук
С мотыгами, а не с мечами.

Когда кровавыми мечами
Хлестал кочевник нежный юг,
Когда заложников ночами
Пытал безжалостный мамлюк,

Когда имам у бедняка
Всё отнимал до медяка,
Прикрывшись сладкими речами,

Не ты ли смердам помогал,
Не ты ль лачуги подпирал
Своими сильными плечами?

3.

Своими сильными плечами
Раздвинув древние века,
Пришёл ты к нам издалека
И радость жизни делишь с нами.

10

Ты грезишь розовыми снами.
Ты нерешителен, пока
Не дрогнешь чуткими листьями
От дуновенья ветерка.

И неприметные соцветья,
Бесцеремонные, как дети,
Твой аромат прольют кругом.

Тогда, всё лишнее отбросив,
Торопишь сладостную осень.
Ты и в грядущем и в былом.

4.

Ты и в грядущем и в былом
Всегда надёжная опора
Для виноградаря, который
Тебя возвысил ремеслом.

Ты возмужал легко и споро
У человека под крылом.
Берут уменьем – не числом:
Не бойся жёсткого отбора.

Дождёшься радостного часа,
Наполнишь пенистую чашу
И заискришься янтарём.

Когда мы вместе, нам не страшен
И горький сок судьбины нашей,
И быстротечной жизни гром.
5.

И быстротечной жизни гром
Всё чаще души нам тревожит:
Живём несправедливо, негоже,
Не платим за добро добром...

Бичуем пьянство. Поделом!
К нему теперь подходим строже,
Но вот тебя рубить за что же
Под корень бойким топором?

Скажите, чем же виноват
Благословенный виноград,
Когда за нашими столами

Всё чаще мутный самогон?
Вот так орда берёт в полон
И засухи нещадный пламень.
6.

То засухи нещадный пламень
Прожёг державные умы:
Бороться с пьянством стали мы
Не словесами, а делами.

Потерь всё больше в этой драме...
Но пьют – с кумой и без кумы –
От Костромы до Колымы,
И пьют неделями, не днями.

Наш век усердием грешит,
И вот иной уже спешит
Покрыть твои владенья пнями.

Ты никогда не держишь зло,
Но всё, что есть, и что прошло,
Ты свяжешь мощными узлами.
7.

Ты свяжешь мощными узлами
Ракетный взлёт и времена,
Когда для светлого вина
Местечка не нашли в исламе.

И утверждали в каждом храме,
Что жизнь покорной быть должна,

Что дерзко спорит с небесами
В бродящем соке Сатана.

Но отрицали все упрямо
Стихи великого Хайама
И убеждали мир в одном:

Ты, виноград, – достойный малый,
Ты прав, что сок отдашь в подвалы
И терпким сделаешь вином.

8.

И терпким сделаешь вином
Свои заветные рассветы,
И будет радостное лето
В любой мороз лучиться в нём,

И будет солнечным огнём
Душа заблудшая согрета,
И у безвестного поэта
Сверкнут алмазы под пером.

Ты в помыслах правдив и чист.
Мужайте, корни, крепни, лист,
Тугие ягоды, искритесь.

12

Свети, чтоб липкий мрак исчез,
Лети с лозой наперевес,
Ты – солнца яростного витязь!

9.

Ты – солнца яростного витязь.
А сколько на земле ханжей,
Промашек наших сторожей.
Вы их повсюду берегитесь,

Вы им на горло становитесь
И не стесняйтесь гнать взашей.
На свет тяните, не ленитесь,
Всех изворотливых ужей.

Для них готовая мораль –
Всегда удобная нора,
А вы по совести живите.

И ты, чьи ягоды светлы,
Не бойся грязи и хулы,
Не зря тебя назвали – «витис».

10.

Не зря тебя назвали – «витис»,
Ведь «вита» – это значит «жизнь».
Твой мудрый сок не терпит лжи,
Хоть причисляли к царской свите

Тебя в Мемфисе и на Крите,
Хоть и пытались торгошаи
Купить за жалкие гроши
И блеск вина, и ход событий.

Тебя наветы не тревожат,
А подлость спрятаться не сможет,
В какой ни рядится наряд.

Не осквернишь неправдой землю,
И кто не глуп – тебя приемлет,
Несокрушимый виноград.

11.

Несокрушимый виноград!
Прости ретивость в брэнном теле:
Мы и тебя изъять хотели,
Как самогонный аппарат.

Прости, что в каждом – бюрократ,
Что три решенья на неделе,
Забудь об этом в самом деле.
Ты для меня как старший брат.

С тобой мы рядом много лет,
А между нами распрей нет:
Смешался пот с твоей росой,

13

Бегут в заботах наши дни.
Навеки связаны они.
Моя судьба с твоей лозой.
12.

Моя судьба с твоей лозой
Незримой нитью скреплена.
Ты мне позволишь, старина,
Поднять бокал с твоей слезой?

Пусть будет каждою весною
Душа твоя напоена,
А коль жара тебе нужна,
Пускай черёд приходит зною.

Пусть будет чистым неба храм,
Когда цветенье по рядам
Крадётся девочкой босою.

Пусть зреет доброе вино:
Стремленья наши так давно
Сплелись под вешнею грозой.
13.

Сплелись под вешнею грозой
И вдохновенье и расчёт:
Пусть над долиной вертолёт

Висит огромной стрекозою,

И лопасть бойкою косою
Крошит оглохший небосвод,
Но яд побеги сбережёт,
Ложась на зелень полосою.

Без компромиссов – невозможно,
Но не смиримся с жадной ложью,
Всё поглощающей подряд,

С неправдой схватимся любою...
Мне б только рядом быть с тобою,
Других не надо мне наград!
14.

Других не надо мне наград,
Мне б только до зари проснуться,
К лозе шершавой прикоснуться,
В которой силы жизни спят.

Они со мной заговорят,
Они в ладонях встрепенутся,
И ляжет осенью на блюдец,
Мечта, что руки сотворят.

14

Считает время годы строго.
Не в этом главная тревога.
Ещё не срок снимать шелом.

С годами удержать мне надо
Вкус бытия, вкус винограда,
Рождённый солнечным теплом.
15.

Рождённый солнечным теплом,
Пронзённый чистыми лучами,
Своими сильными плечами
Ты и в грядущем и в былом.

И быстротечной жизни гром,
И засухи нещадный пламень
Ты свяжешь мощными узлами
И терпким сделаешь вином.

Ты солнца яростного витязь,
Не зря тебя назвали «витис»,
Несокрушимый виноград!

Моя судьба с твоей лозою
Сплелись под вешнюю грозю –
Других не надо мне наград.

